

821.161.1 -1.09+929 Иванов

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX ВЕКА В СТИХОТВОРЕНИЯХ Г. В. ИВАНОВА О РОДИНЕ

Трудно назвать писателя или поэта, в творчестве которого нет произведений, посвященных родине. Со времен «Слова о полку Игореве» и до настоящего времени тема родины является одной из самых актуальных и популярных в русской литературе. Не является исключением и Георгий Иванов, «первый поэт эмиграции», проведший за границей большую часть своей жизни. В последнее время интерес к творческому наследию Георгия Иванова возрос, литературоведы, среди которых И. Тарасова, Т. Соколова, Н. Спиричева, В. Прокофьева и др. занимаются исследованием различных аспектов поэзии автора. Однако тема родины в творческом наследию Иванова и ее интертекстуальные связи еще не достаточно изучены, поэтому данная проблема требует более глубокого рассмотрения. Это и обуславливает цель нашей статьи - изучить традиции в создании образа родины в поэзии Иванова и русской литературе XIX века.

Тема родины всегда присутствовала в творчестве Г. Иванова, «она привлекала его еще с 1910 года. Просматривается она даже в его самом раннем выступлении со стихами к печати...» [4, с.354]. Реакцией на события Первой мировой войны стало стихотворение «Родине» (1914), пронизанное патриотизмом и любовью к своей стране «людей, на подвиг щедрых», в недрах которой «еще живут богатыри» - в противовес лермонтовскому герою, старому солдату из «Бородино», который говорил о том, что перевелись уже богатыри на Руси:

...Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы! [5, с. 154].

Иванов уверен, что «еще в сердцах геройство есть», что понятия долга и чести являются значимыми для каждого, и под этим напором «слабеет враг», «готов он рухнуть с пьедестала...». Россия предстает здесь сильным, нерушимым государством, она живая, «неизнуренная»:

...А ты по-прежнему сильна,
Глядишь в лицо грозным тучам,
Неизнуренная страна,
Цветешь за воинством могучим!... [2, с. 374].

Продолжая традиции XVIII века, Державина («Где есть народ в краях вселенны, Кто б столько сил в себе имел...»), лирический герой вспоминает героическое прошлое страны, восхищается ее могуществом, верит в светлое будущее.

...И с заповеданной тропы,
Как древле полчища Батыя,
Изгнав врага, свои стопы

Направишь в дали золотые [2, с. 374].

Идейно близко этому произведению стихотворение «Русская красота» (1916), в котором перед читателем предстает страна с «далью полей пушистых, ровных», ее очарованием «псковских, рязанских, подмосковных деревень», «лесов глухих, дорог почтовых», «гулких улиц Петрограда». Лирический герой пытается постичь тайну Руси, русской красоты, перед которой «блекнут все красоты мира». Автор описывает прелесть родной земли «весной ли синей», «когда огонь струится летний», «в тумане осени немой», «вьюжною зимой» - здесь мы видим типичные описания времен года - холодная зима, жаркое лето, туманная осень, чистая весна. Иванов называет русскую красоту «неизъяснимой загадкой»:

...Неизъяснимая загадка,
Очарование бытия...
О, русская краса - как сладко
Любить и знать, что ты моя! [2, с. 414].

Лирический герой Иванова восхищается красотой родной природы, пытается познать ее загадку, гордится ею.

...И знать, что все красоты мира
Должны, как перед солнцем медь,
Как перед гласом Бога - лира,
Перед тобою побледнеть [2, с. 414].

В этом стихотворении у Иванова возникает образ лиры, восходящий, очевидно, к творчеству Пушкина и Блока. Этот образ появляется и в других стихотворениях автора, как, например, в стихотворении «Это звон бубенцов издалека...» (1930), написанном уже в период эмиграции, в котором перед читателем возникает ностальгический образ России, «как белой лиры над засыпанной снегом судьбой».

Это звон бубенцов издалека,
Это тройки широкий разбег,
Это черная музыка Блока
На сияющий падает снег [2, с. 272].

Образ России у Иванова имеет свою наполненность традиционными и индивидуально-авторскими приметами, Россия создана из «звона бубенцов», «широкого разбега тройки», «черной музыки Блока». Россия - единственное место, где лирический герой чувствует тепло, уют, счастье. Образ заснеженной России восходит к стихотворениям Блока (Где буйно заметает вьюга /До крыши - уютное жилье («Русь» (1906)), и появляется и во многих других стихотворениях автора, например, в стихотворении «Россия счастье. Россия свет», где вновь видим:

... Снега, снега, снега...
А ночь долга,
И не растают никогда снега.
Снега, снега, снега...
А ночь темна,
И никогда не кончится она [2, с. 266].

Обращение к образу России активизировалось в период эмиграционного творчества Иванова. В. Цыбин отметил, что изучение творчества поэтов русского зарубежья требует учета трагедии эмиграции, когда «между горем без конца» и «энтузиазмом строительства есть же живая жизнь великой страны, движущейся вперед по каким-то колеям и как-то слагающаяся для будущего. Что мы знаем о ней?» Вот это чувство самой страшной утраты и определило раскол неделимого – себя и родины» [10].

Иванов и Одоевцева, покидая Россию осенью 1922 года, как и другие эмигранты, были уверены, что это лишь их временное путешествие, что большевистский режим долго не продержится. Некоторое время, по словам А. Арьева, Иванов сохранял по отношению к Советской России внешнюю лояльность: «В конце 1923-го – начале 1924 года посылает на родину специальное заявление от имени неясно каких участников «Цеха поэтов». Оно завершается следующим образом: «Все мы смотрим на наше пребывание за границей как на временную поездку и полагаем, что наша деятельность здесь вполне совпадает с понятием лояльности, в которой мы ручались при выезде» [2, с. 61]. Но Иванову так и не суждено было вернуться на Родину. Это стало настоящей трагедией поэта. На наш взгляд, справедливо замечание В. Крейда о том, что «у многих ностальгия по родине со временем притуплялась, у Георгия Владимировича, напротив, – с годами обострялась» [4, с. 403].

Иванов категорично не принимал большевистскую «рабочее-крестьянскую» Россию, а воспоминания о последних днях пребывания на родине называл сном: «Есть воспоминания, как сны. Есть сны – как воспоминания. И когда думаешь о бывшем "так недавно и так бесконечно давно", иногда не знаешь, где воспоминания, где сны. Ну да, была "последняя зима перед войной" и война. Был Февраль и был Октябрь... И то, что после Октября – тоже было. Но, если взглядеться пристальней, – прошлое путается, ускользает, меняется. ...В стеклянном тумане, над широкой рекой – висят мосты, над гранитной набережной стоят дворцы, и две тонких золотых иглы слабо блестят... Какие-то люди ходят по улицам, какие-то события совершаются. Вот царский смотр на Марсовом поле... и вот красный флаг над Зимним дворцом. Молодой Блок читает стихи... и вот хоронят "испепеленного" Блока. Распутину убили вчера ночью. А этого человека, говорящего речь (слов не слышно, только ответный глухой одобрительный рев), – зовут Ленин...» [1].

В стихотворении «Россия, Россия рабоче-крестьянская» (1930), «обыгрывается распространенный штамп большевистской пропаганды, твердившей о рабоче-крестьянской власти в стране», лирический герой Иванова - отчаявшийся, разуверившийся, потерянный [2, с. 590]:

Россия, Россия рабоче-крестьянская
 - И как не отчаяться!
 - Едва началось твое счастье цыганское
 И вот уж кончается.
 Деревни голодные, степи бесплодные...
 И лед твой не тронется –
 Едва поднялось твое солнце холодное

И вот уже клонится.[2, с. 255]

Находясь в эмиграции, вдали от родины, Иванов не может не думать о судьбе русского народа, его «цыганском счастье» - т.е. счастье ненадежном, бесприютном, о том, что Россия вновь переживает трудные времена («И как не отчаяться!»). Здесь лирический герой Иванова близок тютчевскому восприятию родины, который одновременно и восхищается Россией, и показывает ее нищету, убогость. Иванов открыл для себя поэзию Тютчева благодаря его стихотворению «Два голоса», к которому во время встреч с Ивановым постоянно возвращался Блок, для которого «Тютчев, наряду с Владимиром Соловьевым и Фетом - отец новой поэзии». Позже Иванов скажет о себе и своем поколении:

А мы - Леонтьева и Тютчева
Сумбурные ученики...[2, с. 305]

Стихотворени Тютчева «Эти бедные селенья» близко ивановскому восприятию России:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа![9]

Автор в нескольких словах, точных образах создает картины России, которую «умом не понять, аршином общим не измерить», ведь «у ней - особенная статья - в Россию можно только верить», передает свою любовь к ней. Герой Иванова, внимая поэту XIX века, тоже верит в лучшее будущее для своей страны, не смотря на то, что «солнце холодное уже клонится». Иванов вспоминает о временах расцвета в России, но с приходом большевиков все пошло под откос («Едва началось твое счастье цыганское. / И вот уж кончается»). Лирический герой говорит о застое в душе русского человека («Лед твой не тронется»), об отсутствии развития, о вечном обломовском сне, который проявляется в бездеятельности, инертности, безразличии.

Переключки с творчеством Тютчева можно увидеть и в более позднем стихотворении Иванова «Она летит, весна чужая» (1945):

Она летит, весна чужая,
Она поет, весна.
Она несется, обнажая
Глухие корни сна [2, с. 450]

Здесь образ весны восходит к стихотворению Тютчева «Весенние воды»:

Они гласят во все концы:
"Весна идет, весна идет,
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед![8]

У Иванова весна – «чужая», не только потому, что эмигрантская, но и потому, что «это весна победителей, к каковым Иванов себя причислить не мог», т. к. не принимал участие в военных действиях Второй мировой войны [3, с. 704]. Весна Тютчева – радостная, долгожданная, наполненная жизнью. У Иванова – это еще одна весна в эмиграции, которая «летит, поет, уничтожая,

все, что любили мы» – эти строки отсылают нас к весне 1944 года, когда была уничтожена союзной авиацией вилла поэта.

Особенно остро тоска по родине воплощена в стихотворениях Иванова пятидесятых годов.

Стихотворение «Мне больше не страшно. Мне томно...» (1952), восходит к лермонтовской «Родине» (1841).

Мне больше не страшно.
Мне томно.
Я медленно в пропасть лечу
И вашей России не помню
И помнить ее не хочу.
И не отзывается дрожью
Банальной и сладкой тоски
Поля с колосащейся рожью,
Березки, дымки, огоньки... [2, с. 316]

Лермонтов писал:

Но я люблю - за что, не знаю сам... ..
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез. [5, с. 207].

Близость стихотворений состоит, в первую очередь, в эмоциональной составляющей, которая создает ту легендарную «странную» любовь к Родине. Тему стихотворения Лермонтов определяет в первой строке: «Люблю отчизну я, но странною любовью...». Странность этой любви А. Мануйлов называет «пружиной движения поэтической мысли, Мотив «странной любви» разворачивается в двух взаимосвязанных и вместе с тем контрастирующих планах: необъяснимой холодности к тому, что составляет общепризнанно-высокий предмет патриотического воодушевления («слава, купленная кровью»), противостоит столь же «непобедимая рассудком» привязанность к другому «лику» родины – простым картинам родной природы, русской деревни» [6, с. 469]. Герой Лермонтова упоен красотой русской природы, ее милой простотой, знакомой с детства. Мотив «странной любви» созвучен и стихотворению Иванова. Автор намеренно отрицает свою любовь к Родине, говорит о том, что даже помнить о ней не хочет, и образы берез, огоньков, полей, вдохновляющие Лермонтова, он называет банальными. Примечательным является то, что изначально в первой редакции стихотворения после 8 строки была дополнительная строфа:

Я вижу со сцены - к партеру
Сиянье... Жизель... Облака...
Отплывте на остров Цитеру,
Где нас поджидала че-ка. [2, с. 651]

Здесь лирический герой – на сцене, а петербургское прошлое – «в партере»: это атрибуты доэмигрантской жизни Иванова: «Сиянье... Жизель...

Облака... Отплывте на остров Цитеру». Россию автор сравнивает с мифическим островом любви с картины любимого Ивановым Антуана Ватто (так назывался и первый сборник стихотворений автора). Но романтическое восприятие прошлого диссонирует с последней строкой, которая придает стихотворению смысл. Здесь, по словам В. Крейда, «отразились... и предэмигрантские годы, когда Петербург, ставший ненадолго Петроградом, официально уже именовался Северной Коммуной». Лирический герой не принял политическую смену событий, которая привела его в эмиграцию, именно поэтому он не хочет «помнить Россию», не хочет видеть ее традиционной, с милыми сердцу березками, огоньками, колосающейся нивой. Так же, как и у Лермонтова, в произведении поэта наблюдается двупланность – историко-политический подтекст и лаконичное изображение русской природы.

В стихотворении Иванова, в отличие от лермонтовского текста, практически отсутствует описание природы, поскольку это и не входило в творческие задачи автора, но многоточие в конце второй строки позволяет читателю домыслить все самостоятельно.

В пятидесятые годы поэт очень горько переживал разлуку с родиной, тема России выходит на первый план, единственное, чего хочет автор - это вернуться домой:

Я хотел бы улыбнуться,
Отдохнуть, домой вернуться...
Я хотел бы так немного,
То, что есть почти у всех,
Но что мне просить у Бога –
И бессмыслица, и грех.
(«Я хотел бы улыбнуться...») [2, с. 305].

Герой просит у Бога об одном – о том, что есть почти у всех, – просто вернуться домой, и только одно упоминание об этом вызывает у Г. Иванова улыбку. Но поэт понимает, что молить об этом Господа – грех и бессмыслица, поскольку он находится в лучшем положении, чем многие его современники, которые остались в России и погибли от рук сталинского террора.

Вся жизнь в эмиграции, вдали от родной земли, представляется автору лишь туманом:

Все туман. Бреду в тумане я
Скуки и непонимания...
(«Все туман. Бреду в тумане я...») [2, с. 307].

Но если бы мечта вернуться домой стала реальностью, то все бы в жизни поэта стало другим, он и сам бы изменился:

Я бы зажил, зажил заново
Не Георгием Ивановым,
А слегка очеловеченным,
Энергичным, щеткой вымытым,
Вовсе роком не отмеченным,
Первым встречным-поперечным –
Все равно какое имя там...

(«Все туман. Бреду в тумане я...») [2, с. 307].

Эмиграцию Георгий Иванов называет роком, а себя – «отмеченным роком», т.е. эмигрантом.

Осмысление своей эмигрантской участи представлено в стихотворении «Белая лошадь бредет без упряжки...» (1954)

Я, что когда-то с Россией простился
(Ночью навстречу полярной заре),
Не оглянулся, не перекрестился
И не заметил, как вдруг очутился
В этой глухой европейской дыре.

(«Белая лошадь бредет без упряжки...») [2, с. 310].

Эти строки о России наполнены сожалением о том, что пришлось покинуть родину, что это случилось необдуманно и слишком внезапно, что «не оглянулся, не перекрестился». Поэт называет Францию «глухой европейской дырой», и на этом фоне образ покинутой России становится еще более величественным, и в то же время еще более недоступным.

В стихотворениях 1950-ых годов постоянно встречаются ностальгические описания любимых мест поэта:

...Нам бы, да в сиянье шелковом,
Осень-вёсен поджидая,
На Успенском или Волковом,
Под песочком Голодая,
На ступенях Исаакия
Или в прорубь на Неве...[2, с. 310].

Следует отметить, что в последние годы жизни Иванов неоднократно пишет о «последнем вечере», о том, что необходимо возвращаться на родину, покидать чужбину («Вечер. Может быть, последний», «Вот елочка, А вот и белочка», «Поговори со мной еще немного», «Отчаянье я превратил в игру»). Стихотворение «Вот елочка. А вот и белочка» (1958) перекликается с пушкинской «Сказкой о царе Салтане», которая, по мнению Арьева, «должна была читаться в эмиграции как притча об изгнании – со счастливым концом, до которого, увы, поколению Георгия Иванова не дожить» [2, с. 668]:

Грусть-тоска меня съедает
Чудо чудное завесть
Мне б хотелось. Где-то есть
Ель в лесу, под елью белка...[7]

И, как ответ пушкинским строкам, Иванов пишет:

Вот елочка. А вот и белочка.
Из-за сугроба вылезает.
Глядит, немного оробелочка,
И ничего не понимает –
Ну абсолютно ничего [2, с. 339]

Далее Иванов представляет картину того, как веселые лесные жители, «в шубках новеньких с иголочки», собрались отмечать Рождество. Только вот

белочка этого не приняла, ведь это все - чужое, непонятное, не родное. Поэтому она и ушла – подальше от всех:

...А белочка ушла куда-то
Ушла куда глаза глядят,
Куда Макар гонял телят,
Откуда нет пути назад,
Откуда нет возврата [2, с. 339]

Влияние творчества Пушкина на Иванова несомненно велико. В «Посмертном дневнике» Иванов пишет стихотворение, посвященное Пушкину:

Александр Сергеич, я о вас скучаю.
С вами посидеть бы, с вами б выпить чаю.
Вы бы говорили, а я б, развесив уши,
Слушал бы да слушал.
Вы мне все роднее, вы мне все дороже
Александр Сергеич, вам пришлось ведь тоже
Захлебнуться горем, гибнуть, презирать,
Вам пришлось ведь тоже трудно умирать [2, с. 329]

Соизмеряя свою жизнь с жизнью Пушкина, Иванов видит много общего, понимает близость пути Поэта. Это стихотворение служит откровением Иванова, его предчувствием смерти. И обращение к Пушкину, осознание его как живого, близкого человека, как друга, которому «пришлось... трудно умирать» в очередной раз показывает нам значимость личности поэта для всех последующих поколений авторов, создавших «моего Пушкина». Личность, творчество поэта стало опорой эмиграции, не случайно день рождения А. С. Пушкина 6 июня стало национальным праздником русского зарубежья. Для Иванова Пушкин был Истинным поэтом, идеалом, в своем очерке «Творчество и ремесло» Иванов писал: «Теперь, восемьдесят лет спустя после смерти Пушкина, кажется смешным и нелепым, что в тридцатых годах прошлого столетия людьми, претендовавшими на культурный вкус, серьезно обсуждался вопрос о том, кто лучше — Пушкин или Бенедиктов. Такого рода забавные заблуждения современников, разумеется, извинимы, но жаль, что раз осознанные ошибки не страхуют от их повторений... Мы далеки от мысли приписывать кому-либо из наших лириков титул великого поэта, но просто, пользуясь аналогией, хотим отметить, как грубая имитация поэзии и подлинное творчество почитаются у нас явлениями одного порядка и ловкий стихотворец разделяет с истинным поэтом его высокое звание» [3].

Незадолго до смерти Иванов написал стихотворение «В ветвях олеандровых тень соловья», в котором своеобразно подводя итог своей страннической жизни, автор мечтает лишь об одном - вернуться в Россию, теперь уже хотя бы стихами:

В ветвях олеандровых трель соловья.
Калитка захлопнулась с жалобным стуком.
Луна закатилась за тучи. А я
Кончаю земное хождение по мукам.
Хождение по мукам, что видел во сне –

С изгнанием, любовью к тебе и грехами.
 Но я не забыл, что обещано мне
 Воскреснуть. Вернуться в Россию - стихами. [2, с. 335].

В этом стихотворении автор создает два мира: наполненный нездешней красотой экзотический мир чужбины и мир, приближенный к концу, точке земного существования. Калитка в яркий мир «захлопнулась с жалобным стуком». Лирический герой Иванова, тождественный самому автору, называет свою жизнь «хождением по мукам». Очевидная переключка с трилогией А. Толстого только усиливает приближение неизбежного, конец жизни-сна (по П. Кальдерону), в которой были «изгнание, любовь, грехи». В мировой литературе, начиная с Горация, традиционным стало авторское осмысление своей роли, своего места в истории, создание нерукотворного памятника из произведений. Вслед за Горацием, Державиным, Пушкиным так же осмысливает свой путь Иванов, твердо веря, что будет и его памятник, и он «вернется в Россию – стихами».

Таким образом, образ родины в поэзии Георгия Иванова менялся на протяжении всей творческой жизни. В доэмигрантский период творчества в стихотворениях Иванова мы видим традиционное описание красот родной природы, гордость за историческое прошлое, веру в мощь и силу родной державы. После отъезда из России, в стихотворениях Иванова появляется указание на неприятие нового политического режима в России, обида, ностальгические переживания, тоска, сменяющиеся грустью, болью, отчаянием, непреодолимым желанием вернуться на родину и болезненным пониманием невозможности сделать это. Образ родины в стихотворениях Иванова восходит в поэтической традиции XIX века и перекликается с произведениями Лермонтова, Пушкина, Тютчева в изображении красот русской земли, «странной любви» к родине. С нашей точки зрения, целесообразно рассмотреть в дальнейшем воплощение образа России в творчестве Иванова и современной ему поэзии.

Литература

1. Иванов Г. Петербургские зимы [Электронный ресурс] / Г. Иванов. - Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/183739/read#tl>, свободный. - Загл. с экрана.
2. Иванов Г. В. Стихотворения / Вступ, ст., подгот. текста, состав, примеч. А. Ю. Арьева (Новая Библиотека поэта) / Г. В. Иванов. - СПб. - М.: Издательство Днк, Прогресс-Плеяда, 2010. - 768 с.
3. Иванов Г. Творчество и ремесло [Электронный ресурс] / Г. Иванов. - Режим доступа: http://www.silverage.ru/poets/ivanov_g/ivanov_g_remeslo.html, свободный. - Загл. с экрана.
4. Крейд В. П. Георгий Иванов / В. П. Крейд. - М.: Молодая гвардия, 2007. - 430 с.
5. Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 2 т. / М. Ю. Лермонтов. - М.: Правда, 1988. Т. 2 - 704 с.

6. Мануйлов В. А. «Родина» / В. А. Мануйлов // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. - 784 с. - С.469-470

7. Пушкин А. С. Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди [Электронный ресурс] / А. С. Пушкин. - Режим доступа:

<http://www.rvb.ru/pushkin/01text/03fables/01fables/0798.htm>, свободный. - Загл. с экрана.

8. Тютчев Ф. «Весенние воды» [Электронный ресурс] / Ф. Тютчев. - Режим доступа: <http://www.stihi-rus.ru/1/Tyutchev/12.htm>, свободный. - Загл. с экрана.

9. Тютчев Ф. «Эти бедные селенья» [Электронный ресурс] / Ф. Тютчев. - Режим доступа: <http://www.stihi-rus.ru/1/Tyutchev/105.htm>, свободный. - Загл. с экрана.

10. Цибин В. Вернуться в Россию - стихами [Электронный ресурс] / В. Цибин. - Режим доступа: <http://poezosfera.ru/?p=1741>, свободный. - Загл. с экрана.

Аннотация

Кошелювская Ю. В. Традиции русской поэзии XIX века в стихотворениях Г. В. Иванова о родине.

В статье рассмотрена тема родины в лирике Иванова разных лет, эволюция образа родины и восприятия автором России в доэмиграционный период и в период эмиграции. Образ родины в стихотворениях Иванова восходит в поэтической традиции XIX века и перекликается с произведениями Лермонтова, Пушкина, Тютчева в изображении красот русской земли, «странной любви» к родине.

Ключевые слова: образ, родина, мотив, лирический герой, Русское зарубежье, перекличка.

Анотація

Кошелівська Ю. В. Традиції російської поезії XIX століття у віршах Г. В. Іванова про батьківщину.

В статті розглядається тема в ліриці Георгія Іванова різних років, еволюція образу та сприйняття автором Росії у до еміграційний період та в період еміграції. Образ батьківщини у віршах Іванова сходить до поетичної традиції XIX століття і перекликається з творами Лермонтова, Пушкіна, Тютчева у зображенні краси руської землі, «дивної любові» до вітчизни.

Ключові слова: образ, Батьківщина, мотив, ліричний герой, Російське зарубіжжя, переклик.

Summary

Koshelivskaya Iu. V. Traditions of Russian poetry of the XIX century in G. V. Ivanov's poems about the homeland.

In the article the author has researched the theme of motherland in Ivanov's lyric poetry of different years, the evolution of the image of motherland and author's perception of Russia before emigration. The image of the homeland in Ivanov's poems ascends to poetic tradition of the XIX century and has something in common with Lermontov, Pushkin, Tyutchev's works in the image of beauty of the Russian land, «strange love» to the homeland.

Keywords: image, homeland, motive, lyric hero, Russian abroad, interchange.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати кандидатом филологических наук, доцентом кафедры всемирной литературы Луганского национального университета имени Тараса Шевченко Верник О. А